

ЭЛИТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

К. Ф. Завершинский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.16>

Суть борьбы за власть проявляется в соотношении «реальных вещей» и «неотложных вещей» с тем, что фактически создает смысл — с системами символов [Александр 2009: 72].

Аннотация. *Рассматривается значение эпистемологии исследования социокультурной динамики политических элит. Автор полагает, что доминирование позитивистских исследовательских стратегий в исследованиях социокультурной динамики политических элит только частично отражает качественные изменения в современных политических коммуникациях. По мнению автора, более перспективными являются исследовательские стратегии социологического неинституционализма и культурсоциологии, которые трактуют социокультурную динамику политических акторов с позиций динамики символизации структур смысла. Исследование символизации пространственно-временных измерений политической идентификации элит позволяет более адекватно отразить динамику современных политических коммуникаций. Важным направлением исследования политической памяти современных элит является изучение практик символизации политической повседневности, в которых решающую роль играют политический миф и политиче-*

ское брендирование. Автор подчеркивает важность описания и теоретического анализа роли новых политических мифов и символов, присутствующих в современной политической памяти. Используя методологию культурсоциологического анализа как эпистемологическую основу, автор предлагает новый теоретический подход к изучению социокультурной динамики политических элит.

Ключевые слова: политические элиты, политические коммуникации, эпистемология исследования, культурсоциология, политическая память.

ВВЕДЕНИЕ

Обоснованность эпистемологической посылки о том, что методология исследования политико-культурной специфики политических элит меняется в соответствии с изменением характера политических коммуникаций и политической культуры, не столь очевидна при обращении к современным исследованиям в предметной области отечественной элитологии. Подобная посылка выглядит скорее трюизмом, общепринятым, но не вполне подтверждаемым мнением в реалиях очевидной смены качества современных политических коммуникаций и политико-культурного процесса в целом. Не подвергая сомнению обоснованность посылки о высокой степени «вариантности» современной социологии элит (*идентификационной, позиционной, репутационной, децизионной, рекрутационной*) (см.: [Дука 2015б: 5–43]), следует отметить, что в основаниях исследовательских стратегий социокультурной динамики современных политических элит так или иначе доминируют позитивистские исследовательские установки и их функционалистские версии. В рамках этой эпистемологической доминанты культурные измерения так или иначе выступают «вторичными переменными», что, по мнению автора, нередко выносит «за скобки» иные перспективные исследовательские опции и, соответственно, порождает редукционистские версии политико-культурной реальности и действительности современных политических элит.

Показательны в этом отношении дискуссии о феномене «постправды» (*post-truth*) и рисков «постфактической» политики совре-

менных политических элит (post-factual politics), когда факты легко замещаются «фальшивыми новостями» («фейками») при принятии политических решений. В критических исследованиях природы «лживости» современных политических элит исследователи исходят в основном из посылки, что умножение политических акторов и медийных технологий при продуцировании политической информации ведет к диверсификации и деградации критериев истинности и ложности при интерпретации событий прошлого и настоящего в политике.

Как полагают многие интерпретаторы феномена «постфактической политики», широкое использование политическими элитами субъективных и, при первом приближении, иррациональных медийных продуктов для легитимации своих действий ведет к культивированию «ложных» форм политического знания в виде политических слухов, сплетен, мистификаций и скандалов. Такие формы знания становятся значимым когнитивным ресурсом политических элит и многих социально-политических движений, организаций (формальных и неформальных) для политической мобилизации с весьма неоднозначными социальными последствиями. При этом рецепты политологов и социологов по разработке строгих процедур проверки «истинности», «объективности» политической информации, рационализации деятельности политических элит и повышению их моральной ответственности при реализации информационной политики сопровождаются умеренным оптимизмом в связи с развитием и совершенствованием публичной социологии и публичной политики как научной «панацеи» от пропагандистских эффектов «политики постправды». Однако подобные теоретические ремарки и эмпирические выкладки не проясняют природу институциональных и организационных оснований растущей потребности современных политических элит в символических ресурсах того, что номинируется «постфактической политикой», и их безусловной убежденности в значимости подобных символических конструкторов.

Говоря о специфике описания современных коммуникативных процессов, уместно вспомнить критические ремарки Николаса Лумана по поводу особенностей коммуникативного процесса в со-

временной информационной среде, где «системы сознания» наличествуют в «миллиардах единиц» и функционируют одновременно (см.: [Луман 2004: 119]). В таких коммуникативных реалиях требование «истинности» по отношению к когнитивной и символической продукции любой коммуникативной системы (правовой, политической, массмедиа и т.д.) и, в частности, политической риторики элит или новостям и комментариям политического характера в современных массмедиа становится весьма проблематично и стимулирует упрощенные представления о семантических основаниях подобных коммуникаций. Как замечает немецкий социолог, сообщения современных массмедиа определяются не столько кодом *истинное/ложное*, сколько кодом *информация/неинформация* и зависят от процедур отбора этих сообщений на основе специфических коммуникативных кодов, оформившихся в рамках этой коммуникаций и находящихся в сложных отношениях с иными коммуникативными пространствами (см.: [Луман 2005а: 62–64]). Общество «вкладывает» в коммуникацию все больше ожиданий и разочарований и производит символические продукты, «вызывающие у него самого иллюзии, прежде всего в политической системе» [Луман 2006: 190–192].

Подобные «политические иллюзии» все чаще воспроизводятся и тиражируются политическими элитами вне связи с символической продукцией науки. На подобные аспекты коммуникаций в современном обществе обращает внимание и авторитетный представитель отечественной теоретической социологии, который полагает, что именно способность представить «невозможное» в процессе реальных коммуникаций позволяет «фактам» обрести действенность (см.: [Филиппов 2015: 151, 332]). В реалиях дифференциации коммуникативных пространств каждое из них начинает располагать своим специфическим «символически обобщенным» средством коммуникации, определяющим течение этой коммуникации. Конечно, представители современной политической элиты при принятии политического решения апеллируют к «истине» и «фактам», но символическая среда и символические ресурсы самой политической сферы становятся все чаще действительнее, чем реальность «вещных» ресурсов и интересов.

Это не может не артикулировать ряд вопросов методологического плана. Какими эпистемологическими критериями следует руководствоваться исследователям при артикуляции специфики политико-культурной динамики политических элит в реалиях современных политических коммуникаций? Почему соотношенность активности политических элит с символическими репрезентациями политической реальности является значимым измерением в исследованиях социокультурной динамики современных политических элит? Наконец, на основе каких теоретических моделей возможен анализ практик символических репрезентаций современных политических элит? Отсутствие определенности при ответе на эти вопросы порождает малопродуктивный «конфликт интерпретаций» или теоретические редукции, препятствующие осмыслению новых феноменов в политико-коммуникативном процессе.

ОТ ЭПИСТЕМОЛОГИИ «НЕЗАИНТЕРЕСОВАННОГО НАБЛЮДЕНИЯ» К КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Интеллектуальная интенция на преодоление «заблуждений» политики и политических элит посредством рационализации политических представлений элит и масс не только достаточно укоренена в современном общественном сознании в эмпирической социологии или политологии, но и опирается на весьма обстоятельную мировоззренческую рефлексию, что позволяет ей претендовать на значимую и авторитетную эпистемологическую парадигму. Так, проблема «истинности» и «ложности» при анализе политических коммуникаций весьма обстоятельно была проанализирована Х. Арндт. Характеризуя потребность политиков XX в. в искусстве «лжи», «обмана» и связанного с этим «самообманом» элит и масс даже в «полностью демократических обществах», она видела причины этого в коммуникативной ограниченности политических отношений, что ведет к преобразованию «внешних дел» «во внутренние», проникновению международных или межгрупповых конфликтов в пространство внутренней политики» (см.: [Арндт

2014: 378–389]). Арендт видела возможность ограничения «обмана» со стороны политических элит в росте политического суверенитета государств и граждан, поскольку в нынешней системе всемирного сообщения, охватывающего большое количество независимых стран, ни у одной из мировых держав и близко нет власти, достаточной, чтобы взять свой «имидж» под полный контроль. В силу подобных обстоятельств, полагала она, у имиджей и фикций сравнительно короткая продолжительность жизни, так как «осколки фактов» постоянно нарушают и расстраивают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций. При этом гарантом «истинности» политических представлений, по Арендт, выступают не столько социально-политические элиты или средства массовой информации, сколько объединения интеллектуалов, находящихся за рамками политического процесса, обладающих навыками и способностями рационально-критического восприятия и описания социально-политической реальности и способных противостоять давлению конъюнктуры политики и массовых коммуникаций. Увы, эволюция современных политических коммуникаций свидетельствует скорее об обратном: свертывании политического суверенитета национальных государств, растущей автономии от общества политических элит и очевидной идеологической ангажированности интеллектуальных групп.

Теоретические доминанты дискурса «классической» элитологии так или иначе соответствуют рационалистическим политико-философским интерпретациям описания оснований функционирования и способов предотвращения политико-культурной деградации элит. В сущности, они уже отчетливо присутствуют в теоретической интенции «незаинтересованного», основанного на фактах наблюдения исследования Вильфреда Парето, который подчеркивал значимость способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры и абстрактных теоретизирований. Классик элитологии подчеркивал, что «когда ставится вопрос о том, являются ли планируемые меры правильными, справедливыми, моральными, благочестивыми, патриотическими и т. д., то речь идет об их соответствии эмоциям, в общем довольно неопределенным, некоего коллектива на данном

отрезке времени, и это может быть полезно для установления согласия в указанном коллективе, но очень мало или ничего не говорит о том, можно ли провести эти меры в жизнь и когда; какие социальные и экономические последствия они повлекут». Он отмечает, что «одно дело — рассуждать об идеальных целях, другое — двигаться куда-то в реальности» [Парето 2014: 32–33]. Стоять на позициях, «что идеальная власть была источником, причиной новой действительной власти» — допускать ошибку, «вызванную желанием априорно объяснять факты с помощью идей, в то время как опыт показывает, что чаще всего идеи суть следствия фактов». Действительное положение вещей, замечает элитолог, предшествует «идеальному», которые трансформируются в заданной «фактами» реальности [Парето 2014: 46–49].

Несмотря на то что подобная критическая рефлексия о методологических основаниях активности социальных элит сохраняет актуальность при описании их социокультурной динамики, она являет следы абсолютизации философских и нормативных обоснований смысла и содержания коммуникативного процесса в политике. Для позиции «незаинтересованного» наблюдения нередко характерно абсолютизация способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры и «ложности мнений» повседневности. Подобная установка достаточно уязвима не только в аспекте очевидной приверженности прогрессистским или консервативным схемам трактовки опыта рационального познания, но в том, что не учитывает важность комплементарности макро- и микроуровня анализа, совершая «ошибки натурализма» («naturalistic fallacy») в трактовке «фактической действительности» тех или иных событий или политических решений, которые признаются значимыми [Александр 2012: 16].

Процессы политико-культурной идентификации политических элит в реалиях современных политических коммуникаций в высшей степени амбивалентны: то, что для одних политических акторов коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других — естественное состояние, некая безусловная «истина» жизни и способ поддержания политической идентичности и госу-

дарственного суверенитет. Фиксация подобной амбивалентности, по мнению автора статьи, свидетельствует не только о вариативности способов концептуализации социокультурной динамики или «ложности» тех или иных интерпретаций, но и об ограниченности приоритетов в трактовке социокультурной динамики элит и классификации форм знания об обществе. Присутствие очевидного своеобразия коммуникативных параметров феномена «постфактической политики», связанных с развитием цифровых технологий воспроизводства, передачи и хранения информации, которыми пользуются политические элиты, скорее оттеняет эпистемологическую дихотомию современных дебатов об «истинности» и «ложности», «правдивости» и «лжи» в практиках регулятивного влияния элит на общество.

Сторонники культурно-ориентированной эпистемологии, выступающие за «сильную программу» политико-культурных исследований, в которых культура рассматривается как «независимая переменная», акцентируют внимание на том, что социальные явления, которые в обществе номинируются как «факты», действительны «не благодаря их фактической вредности или объективной резкости», но зависят от того, как их воспринимают, и от степени эффекта их влияния на коллективную идентичность. Подобная посылка весьма актуальна по отношению к политико-культурной активности современных элит, поскольку «постфактическая политика» политических элит чаще всего сопряжена с интерпретацией событий травматического рода или попытками представить факты как свидетельство травмирующих обстоятельств. При анализе политико-культурной активности элит важна «не правдивость заявлений социальных акторов» или оценка их нравственных оправданий, а «при каких условиях делаются эти заявления и к каким они приводят результатам». Важна не «истинная» онтология и этика познавательного процесса, а «эпистемология смысла» и символической политики. «Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха», — замечает авторитетный американский исследователь, — «а вовсе не события сами по себе». Фактические события — «это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое» [Александр 2012: 17–18].

Социальные системы общества могут реально переживать масштабные деформации, институты могут не работать, правительства не в состоянии обеспечить базовую защиту, но все это может представляться политическими элитами как временные проблемы «победного шествия демократизации» и не рассматриваться в качестве значимых, в то время как вымышленные действия могут наделяться статусом катастрофических или успешных. Сегодняшняя коммуникативная реальность полна свидетельств подобного рода. Чтобы факты обрели коллективную значимость не только для интеллектуалов, но и для элит и общества в целом, реальные проблемы «должны стать культурными кризисами» [Александр 2012: 17–18]. На ограниченность стратегии «фактографии» указывают и российские исследователи, обосновывающие необходимость более комплементарной эпистемологии социокультурных феноменов: «Не нужно рассматривать истину только как результат совпадения с объектом, а заблуждение — только как продукт социальной иллюзии и ангажированности. Истина не бессубъектна, а заблуждение не безобъектно. Знания обоих родов — и истинные, и ошибочные — в равной степени обусловлены комплексом социально-культурных условий и обстоятельств» [Касавин 2013: 15].

По мнению автора статьи, анализ политико-культурной динамики современных политических элит предполагает выход за рамки доминирующей в элитологии эпистемологической матрицы научного познания социокультурной реальности, оформившейся в Новое время и предполагающей нормативное разделение знаний, «верований» на два «разряда», «группы» — «истинные», научно обоснованные, эмпирически подтвержденные знания и «заблуждения» («мнения») [Касавин 2013: 63–73]. Чаще всего статусом «заблуждений» наделяют идеологические и разнообразные мифоконструкции или, в нашем случае, «постфактическое знание». *Первая группа* часто ассоциирует с объективным, рациональным и эмпирически верифицируемым типом познания, вторая же с иррациональным, бессознательным, субъективным и «манипулятивным», пропагандистским. Вторая же эпистемологическая парадигма, так или иначе представленная в рамках социологии знания и социально-конструктивистских моделей множественности социальных

универсумов, стремится снять теоретическую дихотомию «фактологического знания» и «ложности верований» посылкой, что знанием можно считать все то, что функционирует как знание в социальной практике, и важнее анализировать действенность знания в рамках социокультурных систем, нежели опираться на аксиологически закруженные принципы познания. В центре «первой группы» эпистемологических посылок находится познавательная активность индивидуального субъекта, для второй важнее коллективная природа знания и опция «наблюдения».

Вторая опция наблюдения, по мнению автора, наиболее комплементарна в исследовании специфики политической культуры современных элит, в отличие от более традиционных теоретических моделей политической культуры, описывающих культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и либерально-демократических ценностных ориентаций, упрощающих процесс нарастающей фрагментации политико-культурного пространства. Более эвристичным представляется дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на когнитивные модели социологического неoinституционализма, современной «культурсоциологии» (cultural sociology) и культурной антропологии, представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как сетей смысла, исторической формы социальной памяти. Их изучение должно опираться на когнитивный анализ символических структур сетей смыслов, в отличие от исследовательских программ, где описания культурных феноменов редуцируется к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных институтов или социально-психологических моделей коллективного сознания. Можно говорить о методологической комплементарности подобного моделирования.

Так, теоретико-методологические послылки социологического неoinституционализма, связанные с социологической традицией, идущей от Э. Дюркгейма, ориентируют на описание институтов как культурно-нормативных, когнитивных структур, связанных с оформлением идентичности многообразных движений и организаций (коллективных акторов), включая в этот процесс *рационализированные мифологии и ритуальности*. В связи с подобными тео-

ретическими моделями институционализации представители социологического институционализма рассматривают «легитимность» как центральный концепт при описании активности организаций как коллективных акторов (см., например: [Meyer 2008: 788–809; Deerhouse, Suchman 2008: 49–77]). Легитимация в этом случае описывается как процесс интерпретации, теоретического обоснования, прояснения возможных альтернатив социальной эволюции *доминирующих* организаций, процессов «оповседневнивания» (рутинизации) организационных норм и правил как условия организационной устойчивости и активности организаций в динамичном социокультурном пространстве. Культурсоциология, как уже отмечалось, ориентирует на исследование культуры и ее символических репрезентаций, политической культуры в частности как исторической формы «социальной памяти», изучение «культурной прагматики» и «социального перформанса» политических коммуникаций, «драматургии власти», описывающих многослойный процесс социального конструирования комплекса средств символического производства социальной власти, сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия (см., например: [Alexander 2003: 11–26; 2006: 29–89]).

Это актуализирует исследования символических аспектов регулирования элитами, пространственно-временных параметров социального порядка. Российский элитолог Александр Дука, подчеркивая значимость элит в процессе «регулирования» социального порядка, замечает, что в силу возможности государственной институционализации они могут автономно принимать решения и использовать ресурсы всего общества, позиционируя себя как особый политический субъект по отношению к основной массе населения и институтам государства. При этом не только важно видеть специфику влияния институциональных взаимосвязей «государства» и «элиты» на их функционирование, но и учитывать властные возможности элит при регулировании пространственно-временных характеристик индивидуального, группового и социетального существования, которые задают границы физического и социального существования других социальных субъектов и самих себя в публичном и частном пространстве: на уровне по-

вседневности, переопределения прошлого, «своего» и «чужого», гражданского состояния, морального порядка, способов приспособления к окружающей среде самих элит. Посредством «проведения границ» в пространстве и во времени элиты осуществляют самоидентификацию и символическую презентацию себя в рамках культурного пространства как часть народа, этноса, нации, обеспечивая легитимацию доминирующего положения (см.: [Дука 2015а: 31–53]).

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ЭЛИТ И ПРАКТИКИ ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Исследование символизации пространственно-временных измерений динамики политических элит весьма насущная и проблемная задача при описании символических ресурсов и их самопрезентаций при принятии политических решений. Социология временных и пространственных границ идентичности элит и проводимой ими политики идентичности предполагает учет специфики сложной взаимосвязи символизации пространства и времени политических общностей. «Социология пространства связана с социологией тела», именно анализ взаимодействия с «телами» других позволяет выявить ограничения на исполняемые социальные роли, иерархии статусных позиций и актуализирует проблему социального контроля, размещенных в малых и больших пространствах («территориях») «тел», социальных акторов (организаций) посредством авторитарного силового воздействия на их движение и коммуникации. В то время как социология времени есть преимущественно социология смысла, смысловых образцов «ожиданий», поскольку идеальное — «не телесно» [Филиппов 2014: 150–159]. Очевидно, что подобные социологические измерения взаимосвязаны, могут противоречиво «налагаться» друг на друга, поскольку пространство как «вместилище», особенно если речь идет о больших территориях, неизбежно обретает смысловую, коммуникативную тематизацию (отличную от видимого, «реального» пространства) и, наоборот, смысл выражается через телесные носители. Из

этих общетеоретических посылок следует, что в реалиях умножения участников коммуникативного процесса и дифференциации сфер коммуникации активность политических элит по контролю над социальным пространством и временем становится все более проблематичной. В условиях растущей социальной мобильности все более проблемным становится поддержание пространственно-временных границ политических общностей и баланса пространственных и темпоральных репрезентаций.

Социальная память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (см.: [Луман 2005б: 9, 104, 110]). Социальная память при этом выступает не столько «хранилищем» «воспоминаний о прошлом» или идеологических интерпретаций прошлого в настоящем, а пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет новые ситуации распознавать, воспринимать как повторение некой «прошлой» ситуации. В работах представителей культурсоциологии эта теоретическая посылка конкретизируется и обосновывается перспективностью понимания культуры как динамичной формы социальной памяти, символические структуры («сети смыслов») которой укорены в повседневных практиках настоящего.

Как полагает автор работы, в таких реалиях на первый план все чаще могут выходить практики символизации социального пространства и времени, ориентирующие политические элиты на антропологические модели солидарности и когнитивные схемы повседневности, тесно связанные с базовыми, часто мифическими в своих основаниях способами кодирования и идентификации национальной памяти. При этом, как уже отмечалось, динамика подобных «предположений» предстает как многослойный процесс социального конструирования и комплекса средств символического производства социальной власти политическими акторами, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия.

В реалиях современных политических коммуникаций растет значимость национальной политической памяти по продуцирова-

нию и поддержанию символических «фигураций» повседневности адекватных ее семантической траектории. В условиях быстро меняющихся отношений между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью процесса символической борьбы «памятей» в политическом поле и спецификой средств их передачи, жанров и профилей, мифологизация повседневности власти — неотъемлемая составляющая современных политических коммуникаций (см.: [Bottici 2007: 19, 243–248, 259–260, 358]), порождающая многообразие политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы») и их бренды.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Важным измерением процесса эволюции социальной памяти и ее символической компоненты следует считать выявление роли и социокультурной специфики структур повседневного знания. Повседневность выступает своего рода «плавильным тиглем» («воплощенным знанием»), особым типом знания, обеспечивающим связь «сакральной», «высокой», «официальной», «элитарной» культуры и «профанного» знания и практик, которые в современном обществе приобретают форму массовой культуры и «усредненного общественного мнения» (см.: [Вальденфельс 1991: 39–50; Вальденфельс 1999; Касавин 2010: 6–13]). Повседневность не следует понимать только «календарно», как реестр простых и очевидных для всех типизаций, возникающих в процессе «повторений», а следует осмыслять в конкретно-исторических терминах комплексных форм социальной идентичности, включающих как компоненты рационализации «вещного», так и «воображаемого». Повседневность — это место, где «загадка повторения переходит в теорию становления», поскольку настоящее никогда целиком не может быть «деисторифицировано» в повседневности и постоянно требует «продолжения», «реисторизации» повседневности (см.: [Osborne 1995: 18, 161, 189, 194]). Особенность повседневного знания в том,

что оно «объективируется», интериоризируется посредством специфических форм сигнификации и символизации (см.: [Бергер, Лукман 1995]), связанных с телесно-чувственным существованием человека.

Важным семантическим «механизмом» подобного процесса является мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений, когда символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности посредством символизации событий героического и жертвенного. Практики повседневности всегда сопряжены с символизацией действий социальных элит по легитимации социополитического порядка в целях контроля над коллективным поведением в группах и сообществе в целом. При этом политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, являются важным и необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций в рамках политической памяти. Политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственную осязаемость и действенностью власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф — всегда не только объяснение, но и «практический аргумент». Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как «традиция», но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных трансформаций. Подобное видение динамики повседневности, как уже отмечалось, предполагает выход за рамки традиционной методологии антропологических моделей описания повседневности, политических элит, описывающих ее в контексте историографической и этнографической вещности. Перспективным представляется видение специфики политической

повседневности элит в ее «коммуникативной прагматике», производящей «события», связанной со спецификой мифической символизации их самоидентификации в различных территориальных пространствах и режимах времени.

Символизация повседневности приобретает особое значение в реалиях современных технологий господства, легитимируемых либеральными мифами о глобализации и «денационализации», рационализации и «массовизации» пространства повседневности. В действительности, публичная легитимация индивидуальных свобод и организаций гражданского общества в современных западных медиа, пропаганда суверенности и конкурентности «рациональных граждан», не только не отменяет процессов политического доминирования, а актуализирует установку политических элит на контроль за «менее способными» и «успешными» в распоряжении своей свободой на уровне повседневности. Происходящая «децентрализация» («дисперсия») «права на суверенность» в современных политических практиках («биополитический разброс суверенитета») вызывает к жизни все более изощренные формы элитарного контроля, «государственной опеки» и «дисциплинирования» повседневности (см.: [Nadesan 2008: 17, 57, 186]), что ведет к актуализации мифопрактик власти в пространстве повседневности. Повсеместно можно наблюдать тотальную политизацию повседневности и использование повседневных репрезентаций массового общества для политической самолегитимации новых социальных элит. Это перманентное обновление представлений акторов о способах символического конструирования политического прошлого и умножение их самих в виде дисперсных общностей, ведет к продуцированию мифического контента в виде динамики многообразных региональных и национальных брендов. Успешный в процессе групповой идентификации бренд как репутационно-имиджевый концепт «всегда содержит волшебную историю и выступает в качестве магического артефакта», обладание которым способно реализовать ожидания, что превращает его в социальный миф, средством осмысления и ориентации в группе (см.: [Тульчинский 2013: 12–37]. Современные бренды, широко используемые в символических репрезента-

циях современных политических элит, наряду с прагматическими функциями часто выполняют функции социального мифа, а брендинг — символической технологии мифотворчества новой повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе обозначенных эпистемологических экспликаций можно сделать несколько принципиальных, по мнению автора статьи, выводов в связи со спецификой символической активности современных политических элит.

Принятие элитами решений по поводу того, какие факты считать значимыми или незначимыми, какие политические мифы и идеологемы признавать очевидными — неотъемлемый и естественный атрибут коммуникативных взаимодействий политических элит. В современных коммуникативных реалиях, когда социальное конструирование политических событий напоминает непредсказуемый «смысловой бриколаж», на первый план в активности политических элит все чаще выходят коммуникативные практики политической мифологизации, связанные со спецификой презентации «политической телесности», эмоционально-чувственного восприятия политики в рамках тех или иных представлений о солидарном существовании, что выступает важным измерением и семантическим катализатором активности и взаимодействия политических элит. В современном, при первом приближении, весьма рационализированном в аспекте коммуникативных технологий обществе, политические движения и сопутствующие их активности когнитивные процессы интенсивно конвертируют информацию в эмоционально-чувственные презентации, порождая символическую инфляцию. Важным звеном подобного процесса является политический мифический нарратив как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются интенсивной символизацией телесно-чувственного восприятия политического, посредством символизации событий героического и жертвенного.

Распространение новых медиатехнологий и биополитики существенно расширяет возможности для актуализации мифического нарратива, нередко делая его воздействие более универсальным посредством семантики «виктимизации».

Доминирующие ныне формы универсализации коммуникаций («глобализация») ведут к тому, что локальность, основой которого являются структуры повседневности, в отличие от прошлых времен, становится все менее естественной и все более сконструированной. Повседневное в наши дни все чаще является не порождением жизненных состояний, переживаний коллективных субъектов важных для культивирования более сложных форм солидарности, а становится «фабрикацией самоочевидного и близкого через локализацию неизвестного и далекого (см.: [Филиппов 2015: 144]). Легитимация «глобальными» властными элитами, «бездомными» и асинхронными в темпорально-пространственном измерении, своего политического доминирования принципиально меняет динамику символических форм повседневности. Символические практики легитимации власти на национальном уровне все более утрачивают функцию стабилизации и отбора, «оповседневивания» жизненно необходимых для политического позиционирования «новаций». Проблема перманентной деконструкции форм повседневности в результате символической экспансии стандартов массового общества, на которые ориентируются дисперсные властные элиты, более чем актуальна для современной России, постоянно сталкивающейся с рисками разрушения этнополитического пространства и давления глобализирующихся массмедиа.

Таким образом, «тропа зависимости» политических элит от динамики символических структур политической памяти, сопряженная с попытками их радикального реформатирования, в процессе реализуемой элитами символической политики, стимулирует появления все новых маргинальных, ситуативных хронотопов жизнедеятельности и растущую конфронтацию идентификационных символических кодов политических сообществ. Активизация маргинальных политических нарративов в символических структурах современной политической памяти стимулируют властные элиты к символической легитимации пороговых насильственных стратегий и практик принятия политических решений.

Литература и источники

Александр Д.С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО — Университет. 2009. № 1. С. 62–72.

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 378–389.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: ПроPILEI, 1999.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Касавин И.Т. Повседневность: сакральное и профанное // Мир русского слова № 2. 2010. С. 6–13.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М. 2013.

Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 63–73.

Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Вып. 2. СПб.: Интер социс, 2015а. С. 14–73.

Дука А.В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015б. Т. XVIII, № 4 (81). С. 5–43.

Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. М.: Логос. 2006.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005а.

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005б.

Луман Н.Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос. 2004.

Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего. 2011.

Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: филол. ф-т СПбГУ; ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.

Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыт, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. I. С. 138–171.

Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы / под общ. ред. С.П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. Т. 2.

Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / ed. by J.C. Alexander, B. Giesen, J.L. Mast. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.

Bottici C. A *Philosophy of Political Myth*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational // The SAGE handbook of organizational institutionalism / ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P.49 –77.

Meyer J. W. Reflections on Institutional Theories of Organizations // The SAGE handbook of organizational institutionalism / ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P.788–809.

Nadesan M. Governmentality, biopower, and everyday life. N.Y.: Routledge, 2008.

Osborne P. The politics of time: modernity & avant-garde. L.; N.Y.: Verso, 1995.

SYMBOLIC DIMENSIONS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF CONTEMPORARY POLITICAL ELITES

K. Zavershinskiy

Abstract. *The article discusses the significance of the epistemology of the study of the sociocultural dynamics of political elites. The author believes that the dominance of positivistic research strategies in the studies of the sociocultural dynamics of political elites only partially reflects the qualitative changes in modern political communications. According to the author, research strategies of sociological neo-institutionalism and cultural sociology, which interpret the sociocultural dynamics of political actors from the standpoint of the dynamics of symbolization of meaning structures, are more promising. The study of the symbolization of the space-temporal dimensions of the political identification of elites makes possible to reflect more adequately the dynamics of modern political communications. An important direction of the study of the political memory of modern elites is the study of the practices of symbolizing political everyday life, in which the political myth and political branding play the crucial role. The author emphasizes the importance of description and theoretical analysis of the role of new political myths and symbols which are present in modern political memory. Using the methodology of cultural sociological analysis as an epistemological basis, the author proposes a new theoretical approach to the study of the sociocultural dynamics of political elites.*

Keywords: *political elites, political communications, epistemology of the study, cultural sociology, political memory*

References

Alexander J.C. *The meanings of social life: a cultural sociology*. New York: Oxford University Press, 2003.

Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. In: *Social Performance, Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Ed. by J.C. Alexander, B. Giesen, J.L. Mast. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2006, pp. 29–89.

Aleksander D.S. Demokraticeskaya bor`ba za vlast': prezidentskaya kampaniya v SShA 2008 goda [Democratic Struggle for Power: 2008 US Presidential Campaign], *Vestnik MGIMO — Universitet* [Bulletin of the Moscow State Institute of the International Relations — University], 2009, 1, pp. 62–72. (In Russian).

Aleksander D. Kul`turnaya travma i kollektivnaya identichnost` [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2012, 3, pp. 6–40. (In Russian).

Arendt H. *Mezhdú proshly`m i budushhim. Vosem` uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought]. Moscow: Gaydar Institute Publ., 2014, pp.378–389. (In Russian)

Berger P., Lukman T. *Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. (In Russian).

Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. In: *The SAGE handbook of organizational institutionalism*. Ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008, pp. 49–77.

Duka A.V. Osnovaniya funkcionirovaniya vlastnyh elit [Basis for the functioning of power elites], *Vlast` i elity* [Power and Elites]. Ed. by A.V. Duka. Vol. 2. St. Petersburg, 2015a, pp. 14–73. (In Russian).

Duka A. V. Variantnost` sociologii elit [Variation of sociology of elites], *Zhurnal sociologii i social`noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015b, 18 (4), pp. 5–43. (In Russian).

Filippov A.F. Elementarnaya sociologiya prostranstva [Elementary sociology of space]. In: Filippov A.F. *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociology: observations, experiences, perspectives], vol. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal`, 2014, pp. 138–171. (In Russian).

Filippov A. F. *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociologia: observations, experiences, perspectives] St. Petersburg: Vladimir Dal`, 2015, vol. 2. (In Russian).

Kasavin I. T. Kritika gruppovyh ubezhdeniy: diskussiya s Dzhennifer Leky [Criticism of group beliefs: discussion with Jennifer Lackey], *E`pistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2016, 50 (4), pp. 63–73. (In Russian).

Kasavin I.T. Povsednevnost`: sakral`noe i profannoe [Everyday life: sacred and profane], *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2010, 2, pp. 6–13. (In Russian).

Kasavin I.T. *Social'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. Moscow: Al'fa-M. 2013. (In Russian).

Luman N. *Differenciaciya* [Differentiation]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2006. (In Russian).

Luman N. *Evolyuciya* [Evolution]. Moscow: Logos, 2005b. (In Russian).

Luman N. L. *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a social system]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2004. (In Russian).

Luman N. *Real'nost' massmedia* [Mass media reality]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Praxis, 2005a. (In Russian).

Meyer J.W. Reflections on Institutional Theories of Organizations. In: *The SAGE handbook of organizational institutionalism*. Ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008, pp.788–809.

Pareto V. *Transformaciya demokratii* [Transformation of democracy]. Transl. from Italian by M. Yusim. Moscow: Territoriya budushhego, 2011. (In Russian).

Tul'chinskiy G.L. *Total Branding: mifodizajn postinformacionnogo obshchestva. Brendy i ih rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: the post-information society myth design. Brands and their role in modern business and culture]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2013. (In Russian).

Osborne P. *The politics of time: modernity & avant-garde*. London; New York: Verso, 1995.

Nadesan M. *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge, 2008.

Val'denfel's B. *Motiv chuzhogo* [Motive of stranger]. Minsk: Propilei, 1999. (In Russian).

Val'denfel's B. *Povsednevnost' kak plavil'ny tigl' ratsional'nosti* [Everyday life as a melting crucible of rationality]. In: *SOCIO-LOGOS*. Moscow: Progress, 1991, pp. 39–50. (In Russian).